

ВЕНЧАНИЕ ПОБЕДИТЕЛЯ

Происхождение этого великолепного образа специалисты относят к началу – середине 16 века средней Руси. Любуясь неотрывно живописью и пробуя произносить от себя что-то, не станем повторяться о высказанном перед иными изводами образа. Коснёмся некоторыми замечаниями лишь характерных отличий и особенностей, представляющихся особенно значимыми. Особенная художественная выразительность этой иконы достигается несколько нарочитым изображением фигур всадника и змея в оппозициях свойств. Светлые, утончённые, грациозно воздушные, невесомо парящие - и всадник, и конь. Подчёркнуто независимы, неслиянны ни копозиционно, ни сущностно фигуры всадника и змея – это общее свойство многих изводов образа. Но редко, как здесь, - будет столь грациозен гарцующий, тонконогий белый конь, раскрывший рот на разверстую пасть змия, плывёт по воздуху над попираемым чкдовищем, не касаясь его. Непросветно тёмный, грузный, распластаный под своею тяжестью – змей, с маленькими немощными крыльями буквально ползёт на чреве, распластываясь вдоль нижнего поля иконы, вцарапывается когтистой лапой в неглубокий иконный повал. При немощных крыльях, почти гипертрофировано – велика голова дракона, прописана столь живо, с выразительными чертами, почти человеческими, с огромными глазами, исполненными тьмой бездны. Оскалена страшная пасть змия, в которой круг цепких изогнутых белых зубов - ворота лица его – страх, отвергнувший свет. Огонь преисподни из пасти левиафана исторгается и будто вьётся язык пламенеющий – вокруг пронзающего наконечника и древка копья, оплетает побеждающее оружие. Взгляд змия устремлён к святому Георгию и святой смотрит змию прямо в глаза злу, «не ужасаясь». Так появляется как бы вторая неосязаемая точка соприкосновения в противостоянии. Помимо обычно изображаемого соприкосновения в точке пронзания пасти - зесь ещё скрещены взгляды. Мы встречаем достаточно редкий случай изображения противостояния взглядов святого и змия, глядящих в глаза один - другому. В этой иконе дракон противоборствует именно воину, но будто не противостоит Богу. Сам Господь словно не является непосредственным участником противостояния, находясь над схваткой, невидимо созерцая, а видимо – благословляя борение. Очень интересно заметить как особенность этого извода – отсутствие привычного позёма – внятно определённой области тварного, земного пространства, отличного от фона Божественного. Собственно позём, как некая нижняя область фона, выделенная более тёмным, либо более плотным цветом, в иконе отсутствует. Область земного отделена от фона Божественного тонким световым очертанием горок и лёгким их притенением. Трактую подобное живописное решение, распознаём символическое: собственно персть земная обретает сущностное бытие в свете Божественном и только в нём. Отнять цвет Божественного фона, контекста – и исчезнет персть, ничем не наполнится, угаснет совершенно. Мир не имеет собственного бытия вне Бога – пытаемся осознать так этот символ. И, вместе с тем, противостояние злу происходит посреди этого разлившегося света и только в нём. Здесь, в этом образе всё пространство схватки, за исключением змия – свет. Даже область обиталища змия оживлена пробелами и наполнена отсветом - плавью. Свет невечерний, Божественный, нетварный... В пространстве этого света – особенно чужд, отвратителен, ужасен змий. Этим же цветом – только ли в целях создания цветовой гармонии – написан доспех святого Георгия, крылья ангела. В этом же пространстве света уже и не различим нимб вокруг лика святого. Очертание сияния святости – символа нимба - лишь намечено эллипсом короны в руках ангела, границей локального цвета в облачении правой руки святого воина. Собственно всё сияние образа – сияние нимба, не имеющее границ. Пространство противостояния, противоборства - святое пространство, всецело вмещаемое в святая святых образа – в область всего иконного ковчега. Тогда, если наше толкование на верном пути познания символа, станет ясен и цвет иконного поля, обычно выносимый именно в нижнюю часть фона. Зелёный обвод ковчега воспримем, как собственно позём, отграничивающий от ковчега уже не по вертикали небо от земли, но пространственно – ковчег – от прилежащего внешнего мира. Святость противостоящего воина – увенчивается ангелом. Узнаем здесь описанное в нашей дерзновенной экзегезе у «царского» образа – тот же символ –

благословенной земной власти, противостоящей силам зла. При этом символ физического противостояния – копьё - совершенно отнесен на задний план, за тело коня. Мы встречаем во многих изводах примеры того, как мастера различных веков и весей Руси усиливаются отобразить именно это. Упрятывают, будто неестественно, оружие за спину воина, совершенно разрушают видимую логику построения пространства. Не для этого ли совершенно развёрнут здесь образ именно так, чтобы правая рука с тоненьким копьём оказалась от нас дальше, за фигурой белоснежного коня. Не физическое одоление дракона - на переднем плане изображаемого в иконе. Но именно торжество света, одолевающего тьму. Зло просто не в состоянии найти себе в пространстве противостояния сродное своему существу место.

И ещё о символике венца святого, воздеваемого ангелом на главу Георгия в момент пронзания пасти дракона. Не к оружию воина обращена десница Божия, но на главу святого. На эту же главу вместе с благословением нисходит венiec в ангельских руках. Не символ ли здесь увенчания на царство, на земное священнодействие в борении изнутри пространства славы Божией со злом внешним. Змий будто выдавливается светом из пространства ковчега, за очерченные пределы образа, как нечто чуждое онтологически, природно. Не такова ли роль, миссия, земное предназначение и православного Боговенчанного Царя. Вернёмся к атрибуции иконы и вспомним, что написание образа относят к середине 16 века, то есть к периоду правления Богоданного первого русского Царя Иоанна IV Васильевича Грозного. Событие восприятия Русью, как милости Божией, благодати дарования царства, единения земель и княжеств под высокой властной рукой, благословенной и Боговенчанной... Не могло не найти отражения в творчестве иконописном это высокое событие преисполнившее Русь новым состоянием, величественным самосознанием обретения царства, изводящего из мрачного уничтожения и руин татарского погрома, из мрака разрушительного самоунижения центробежных боярских интересов... Распознаем в этой иконе мотив торжествования нисхождением Божией милости в обретении царства, преемственного от царств Ветхого Завета, от престола исчезнувшего Царьграда. Почти столетие существовал мир, неся в себе глубинную опустошённость, космическую катастрофу, зияющую уничижённость, возникшие на месте падения единственного во Вселенной Православного престола – как пустоту духовную, не восполненную никак. И се: на царство по чину ветхозаветных царей и византийских императоров помазан русский Государь Иоанн. Восставлен Рим в Москве, как земной престол Помазанника Божиего...

Если рассматриваемый нами образ святого Георгия прообразует это событие – обретение Русью и всем Божиим миром Царя, противоборствующего злу, - вполне внятно раскрывается перед нами своими смыслами отмеченная символика образа. Во всём земном пространстве противостояния, в мире земном, который, наконец, обрёл своего Царя, вложившего сыновне своё сердце в руки Божии, принявшего помазание на главу свою, просто нет более места обитания змию, особенно ужасному на фоне света. Видимые и невидимые знаки благодатного нисхождения Божией силы к противостоянию и одолению зла – низошли на Русь. И нет в иконе места никакому затенению позёма – иного фона земного, отличного от цвета – света Божественного. Не вмещается сияние святости Георгия – прообразующего Боговенчанного царя в некий замкнутый контур – нимб святости вне события противостояния. Всё пространство иконного ковчега – сплошное сияние, - прообразует, помимо традиционных символических огласовок, торжествующую в обретенном царстве – Святую Русь, изгоняющую змия. Царский венец, как видимый символ, – нисходит на честную главу противоборствующего вместе с благословением Божиим из рук ангельских. Здесь это никак не венец мученика – Георгия, хоть едва ли различимы категории и типы венцов Царя Небесного для жителей земных. Возрадуемся же им, сопичастные ликованию торжествующих отец наших и прежде, и присно...